

Первый час поездки в Св. Осиф был заполнен импровизированным уроком по эксплуатации, уходу и обслуживанию маггловского автомобиля. Гарри часто возили на машине, но он никогда не обращал внимания на то, как его дядя на самом деле управляет ею, бездумно сидя на заднем сиденье и пытаясь по мере возможности оставаться незаметным. Гермиона рассказала о приборной панели, положении передач, педалях тормоза и акселератора, ручном тормозе и всех переключателях и регуляторах, которые управляли светом, дворниками, окнами и дверными замками, и, конечно же, о стереосистеме, на которую Гарри обратил особое внимание. Гермиона продолжала объяснять правила дорожного движения, указывая на формы и значения различных дорожных знаков, мимо которых они проезжали, как работают светофоры и у кого есть преимущественное право проезда при движении по кругу или на перекрестках. В своих объяснениях она дошла до того, что рассказала, что в некоторых странах руль располагается с его стороны, и что они ездят по правой стороне дороги вместо левой, но завершила его, что эта информация не требуется на экзамене по вождению.

Гермиона неохотно прервала лекцию, заметив, что глаза Гарри закрываются, когда она объясняла ему, что нужно делать при приближении машин скорой помощи. Она быстро указала на рычаги управления около сиденья, регулирующие спинку, наклон и положение кресла. Гарри полностью опустил спинку и почти сразу же заснул, убаюканный мягким звуком мотора.

Гермиона отрегулировала климат-контроль, включив небольшой нагрев, чтобы скомпенсировать ночную прохладу. Она улыбнулась, протянув руку и мягко коснувшись его щеки, и вновь обратила все внимание на дорогу.

Было уже далеко за полночь, когда Гермиона свернула на широкую круговую подъездную дорожку к своему дому. Два ярких прожектора, среагировав на движение, осветили площадку. Она открыла гараж дистанционным пультом, осторожно завела машину и мягко толкнула Гарри, закрывая дверь.

— Гарри, мы приехали. Я достану вещи из багажника.

Он с трудом приоткрыл глаза и посмотрел на Гермиону. Она мягко улыбнулась ему, открывая дверцу. Он неосознанно смотрел вслед ей, прежде чем встряхнулся и отвел взгляд.

Она открыла багажник, запихнула книгу и мантию-невидимку Гарри в свою дорожную сумку и схватила его «Молнию», пока тот, полусонный, стоял рядом с машиной. Заперев гараж и включив сигнализацию, она взяла его за руку и повела на кухню через огромную гостиную.

Он откровенно таращился на богатую обстановку, удобный диван напротив самого большого телевизионного экрана, какой он когда-либо видел. Одну стену прочерчивала массивная книжная полка, все тома на ней выглядели аккуратно и упорядоченно. Поскольку он спал, когда они подъезжали, теперь он удивлялся величине ее дома, пока она вела его по ступенькам на второй этаж. От лестницы вправо и влево шел коридор. Длинная череда дверей, располагавшихся на одинаковом расстоянии, напомнили ему отельный коридор.

Гермиона показала вправо и сказала:

— Там родительские комнаты.

Она повела его влево, показала, где ее спальня, и открыла дверь напротив, за которой оказалась большая, полностью меблированная комната для гостей. Стены были благородного шафранового оттенка, а ковролин — пепельно-серым. Покрывало на огромной кровати, стоящей практически посреди комнаты, было в цвет стенам. Она открыла дверь на правой стене, показывая ванную, которая была почти так же велика, как и спальня.

Гарри повернулся к ней, искренне улыбнулся и сказал:

— Спасибо, это несравнимо лучше кладовки.

Гермиона коротко вспыхнула при упоминании этой проклятой кладовки. Справившись со злостью, она сказала:

— Отдохни, завтра у нас дела, — открыла дверь и вышла в коридор.

Закрывая дверь, она видела, как он провел рукой по кровати, очевидно, проверяя ее мягкость. Вдохнув, она вошла в свою комнату, переоделась в пижаму и заползла в кровать, надеясь поспать хотя бы несколько часов, прежде чем ее разбудит сон о белой комнате.

Она уже почти заснула, когда услышала стук и звон от окна. Раздраженно поднявшись, она увидела Сычика, безумствовавшего снаружи. Она открыла окно и впустила маленькую возбужденную сову. Громко ухая, та покружила по комнате и опустилась на стол. Гермиона угостила сову и отвязала письмо с ее лапки. Просмотрев письмо от Рона, она глубоко вздохнула. Он опять хотел поговорить об их «отношениях». Она обернулась к крошечной сове, выжидательно смотревшей на нее.

— Ему нужен ответ прямо сейчас, так? — спросила она Сычика.

Откровенно говоря, она не знала, когда у нее найдется время для доверительного разговора с ним, и не хотела вновь говорить об этом. Почему он не может просто принять «нет» как ответ? Ладно, сегодня она будет слишком занята, но сможет высвободиться во вторник. Она схватила перо и накарябала «Вторник, полдень», привязала записку обратно к лапе Сычика и сказала:

— Я оставлю для тебя окно открытым, можешь возвращаться, когда... — прежде чем она закончила, крошечная сова, сделав круг по комнате, быстро вылетела в окно, отправившись обратно в Оттери-Сент-Кэчпул.

Гарри снился сон, странный даже для него. Он был в саду на заднем дворе на Тисовой улице, ловил садовых гномов и выкидывал их через забор, отчаянно надеясь, что Дурсли их не

заметят. Казалось, что вместо одного, от которого он избавлялся, появлялось двое.

Один вышел из-под куста и пробормотал:

— Она сказала, что любит тебя.

Гарри схватил его и сказал, кидая:

— Я знаю.

Вышел другой и сказал:

— Ты знаешь, что любишь ее.

На что он, размахиваясь, ответил:

— Знаю.

Появились еще двое, сказав в унисон:

— Ты должен сказать ей.

На что он сердито ответил, ловя их обоих:

— Я не могу! Вы не понимаете!

— Поттер! — услышал он сзади раздраженный голос дяди и повернулся, с ужасом глядя ему в лицо и пряча гномов, бывших у него в руках, за спиной. — Не знаю, с кем ты играешь, но я хочу, чтобы эти уроды немедленно убрались из моего дома!

Гарри сделал удивленное лицо и спросил:

— О ком вы говорите?

— Ненормальный, не играй со мной, а просто иди и избавься от нее!

— От нее? — подумал тот, небрежно сунул гномов в руки Вернону и вбежал в дом. Пробегая через кухню, он заглянул в пустую гостиную и взбежал по ступенькам. Поднявшись, он увидел в коридоре Дадли и Петунию, заглядывающих в ванную. Петуния смотрела в ужасе, а у Дадли

было странное пустое выражение лица, глаза и рот у него были широко раскрыты. Гарри подбежал к открытой двери и заглянул в ванную.

Там, в сидячей ванне, казавшейся огромной раскрывшейся раковиной, стояла Гермиона. Обнаженная, она стояла спиной к двери, ее длинные мокрые и мыльные каштановые волосы почти доходили до талии. Она повернулась к нему лицом, проводя куском мыла по вытянутой руке. Она одарила его широкой, сияющей улыбкой, грациозно вышла из ванны и медленно подошла к нему.

Он стоял в шоке, пытаясь придумать, что бы ей сказать. Она обхватила его руками и притянула в тесные объятия. Ее гладкая влажная кожа ощущалась чудесно под его подрагивающими ладонями. Он прикрыл глаза и поднял руки с ее талии к волосам.

Ему показалось, что откуда-то издалека он услышал странный приглушенный крик.

Ее волосы ощущались... ну, не совсем так, как он ожидал. Они были сухими и слегка грубоватыми, больше похожими на шерсть, нежели на волосы. Он раскрыл глаза и отодвинулся от нее, шокированно заметив, что удерживал не Гермиону, а большого потрепанного мягкого медведя, причем был он отнюдь не в коридоре дома на Тисовой улице. Он сидел на крошечной раскладушке в незнакомой маленькой темной комнате. Стены были оклеены старыми выцветшими частично отошедшими обоями, а по комнате валялись куски старой мебели.

Он перевел взгляд на себя и удивился, заметив, что одет в старую изношенную ночную рубашку. Его маленькие босые ступни высывались из-под полы — одежда была серой, унылой, а некоторые швы расходились.

Его охватил страх, когда он еще и услышал приближающиеся крики и визги. Он спрыгнул с кровати и чуть было не упал, заметив, что каким-то образом уменьшился до четырех футов роста. Пробежав через комнату по деревянному полу, о который мог бы легко занозиться, он посмотрел в старое треснувшее зеркало, стоявшее рядом с комодом с заметно сломанными ящиками, и замер в ужасе. Его отражение показало не тощего темноволосого мальчика с зелеными глазами и шрамом на лбу, а маленькую... «девочку» с копной двигающихся белых волос, удлинненными миндалевидными глазами и огромным краснотелым ртом, растянувшимся по всему лицу от уха до уха. Между толстых губ виднелись крупные черные клыки, а с обеих сторон от подбородка торчали острые золотистые рожки, придавая определенно демонический вид.

После он заметил пронзительные фиолетовые глаза. Он их уже видел...

«Котоне?»

Он вынырнул из шокового состояния, услышав через тонкую стенку громкий взрыв в соседней комнате. Он распахнул дверцу около зеркала, за которой оказался стенной шкаф, в котором было всего несколько вещей — новая хогвартсовская форма и мантии. Он захлопнул за собой дверцу и скрючился в темном углу, все еще обнимая большого коричневого игрушечного

медведя.

Он услышал, как дверь в комнату разлетелась от визгливого «Reducto», произнесенного голосом, который он тут же узнал.

«Беллатрикс Лестрейндж».

Гарри почувствовал головокружение, ощущение времени вокруг него замедлилось, из-за чего ум стал вялым. В голове послышался голос: «Шиши! Помоги мне!»

Он прикрыл глаза, его накрыло чувство покоя. Дверцу шкафа потянули, открывая. Он открыл глаза и посмотрел в лицо Беллатрикс, встретившись с ней глазами. Беллатрикс остановилась с испуганным выражением лица и, казалось, примерзла к месту. Прежде чем все потемнело, он услышал странный эфирный голос:

— Помоги мне, я больше не выдержу. Помоги.

Гарри проснулся в холодном поту, испуганная Гермиона грубо его трясла.

— Гарри? Пожалуйста, проснись!

Он взглянул в ее широко распахнутые, наполненные слезами глаза и сказал:

— Гермиона, я уже проснулся.

— Гарри! — закричала она и крепко его обняла. — Я так испугалась! Ты сидел здесь с открытыми глазами и кричал о помощи.

Гарри озираясь, все более удивляясь. Он сидел на полу в углу в одних боксерах. Неожиданно он осознал, что-то, что он только что испытал, не было просто сном.

— Котоне! Она в беде! Ты знаешь, где находится приют?

— Что? — спросила она, не понимая. — Ну, точно я не знаю, но он в Лондоне, думаю, недалеко от Святого Мунго или Косого переулка.

— Нам нужно попасть туда, — сказал Гарри голосом, близким к паническому, поднялся с пола и начал одеваться. — Там Пожиратели Смерти. Я видел Беллатрикс.

— О, нет! — Гермиона бросилась в свою комнату и быстро оделась. Через минуту она вышла в черных спортивных штанах, футболке и таких же кроссовках. Гарри неистово расхаживал по

полу.

Он посмотрел на нее, и она зашла.

— Мы аппаруем в Нору, Рон должен знать, где это, к тому же у нас будет дополнительная палочка.

Гермиона кивнула и, резко развернувшись, они дисаппарировали с двумя мягкими хлопками.

Ни одно из окон в Норе не было освещено, когда они бежали через двор к крыльцу. Гарри громко заколотил в дверь, затем сошел с крыльца и посмотрел вверх, в окно спальни Рона.

— Рон! — закричал он. Не получив ответа, он вернулся к двери и снова громко постучал. Вскоре из-за двери послышался голос Артура Уизли.

— Кто там?

— Мистер Уизли! Это Гарри и Гермиона! Приют для волшебников-сирот атакуют!

Через несколько мгновений тишины они снова слышали голос Артура.

— Кто именно... — начал спрашивать он и сам же себя прервал. — Нет, этого никто не угадает...

Гарри раздраженно вздохнул.

— Мистер Уизли, у нас нет на это времени! Просто скажите, где это! Пожиратели Смерти уже там!

— Ну... Это в Косом переулке, сразу за шляпным магазином Хортенса, недалеко от входа на Ноктюрн-аллею.

Гарри посмотрел на Гермиону. Она кивнула, ее глаза были полны жесткой решительности.

Гермиона повернулась к двери и громко сказала:

— Пожалуйста, свяжитесь с Орденом и расскажите, что произошло! Скажите Рону, чтобы встретил нас там!

Они оба побежали обратно через двор, а из окна второго этажа на них смотрела хмурая

рыжеволосая молодая ведьма.

Гарри и Гермиона появились в закутке за «Дырявым Котлом». Быстрый стук по нужному кирпичу — перед ними появилась арка, ведущая в Косой переулок. Они быстро побежали через темноту раннего утра ко входу к Ноктюрн-аллее. Гарри заметил пару людей в аврорской форме и подбежал к ним.

— Идемте с нами, пожалуйста! Пожиратели напали на приют! — быстро сказал Гарри, пытаясь перевести дыхание.

— Гарри? — спросил один из авроров.

Гарри присмотрелся к нему.

— Бен? — сказал он, узнав мужчину с жестким лицом, спасшего его жизнь чуть больше месяца назад. — Идем! Быстрее!

Гарри не стал ждать ответа. Он побежал по переулку рядом с Гермионой. Он слышал топот авроров в нескольких шагах позади. Он слышал, как Бен говорит другому аврору, что он знал, что нечто подобное должно было случиться с приютом.

Гарри заметил, что здания, мимо которых они пробегали, по мере приближения к приюту становились все более ветхими. Вскоре они проскочили вход на Ноктюрн-аллею и шляпный магазин и оказались около старого дома в викторианском стиле, явно выдавшего и лучшие времена. Многие из сгнивших досок обшивки отвалились от стен, а лестница, ведущая к открытому парадному входу, выглядела так, будто была готова в любой момент рухнуть. Старая табличка на входе, гласившая: «Дом Хавершема для нежеланных и заблудших волшебников-беспризорников», висела на одном ржавом кольце. Он неожиданно подумал, что по сравнению с этим зданием дом на Гриммаулд-Плейс был просто дворцом.

Гарри услышал далекие крики и визги изнутри. Он побежал раза в два быстрее и оказался в большой темной приемной, Гермиона и авроры следовали прямо за ним. Место пахло старостью и плесенью, газовые лампы на стенах давали слишком мало света. Стены украшали старые выцветшие портреты — возможно, кого-то из давних администраторов. На второй этаж вела большая лестница, сводчатые проходы с обеих сторон комнаты вели к гостиной и кабинету.

Гарри замер на мгновение, прислушиваясь, с какой стороны идут голоса, когда мимо него пролетел красный луч проклятия, выпущенного с верхней ступеньки. Он инстинктивно отскочил в сторону и послал обратно оглушитель, в то время как Гермиона наколдowała перед ним «Protego». Два аврора засели в противоположных концах комнаты, пытаясь точно стрелять по каждому, кто появится наверху лестницы. Из темноты прилетели еще два проклятия; одно отразилось от щита Гермионы, а другое прошло мимо, попав в стену за ним, довольно сильно продырявив один из портретов, заставив его обитателя искать убежища на одном из ближайших холстов.

Заметив их чрезмерную незащищенность, Гарри схватил Гермиону за руку и рванулся через арку к гостиной. Гермиона резко выдохнула, заметив тело мисс Мелани, строгой пожилой работницы приюта, все еще одетой в ночную рубашку. Та растянулась на полу, ее глаза были широко открыты и смотрели в потолок, выражение удивления навсегда застыло на ее безжизненном лице.

Гарри потянул Гермиону за руку и повел ее к двери в дальней стороне комнаты. Он не знал планировки дома, но надеялся, что где-то там была и другая лестница на верхние этажи. Дверь вела в большую столовую, через всю комнату протянулись большие столы, подобно расстановке в Большом зале Хогвартса, с обеих сторон от них стояли лавки. Открытый дверной проем, похоже, вел на кухню. И, действительно, от нее на второй этаж вела узкая лестница.

Насколько возможно тихо, они поднялись по скрипучим ступеням к двери наверху. Гарри приоткрыл ее, за ней оказался широкий коридор, с каждой стороны которого были двери, большая часть которых была снесена с петель. Десятки лежащих по всему коридору тел были молчаливы и неподвижны. Все они были детьми, все в ночнушках, у некоторых не доставало конечностей, у некоторых безучастные глаза были широко раскрыты. Его стало подташнивать, когда он увидел этот ужас. Он сомневался, стоит ли видеть Гермионе это кошмарное зрелище, но прежде, чем он смог остановить ее, она заглянула ему через плечо. Он услышал, как ее рвет, крепко закрыл глаза и стал глубоко дышать.

Присмотревшись к дальнему концу коридора, он увидел верх главной лестницы, ведущей к приемной. С обеих сторон от нее пряталось по Пожирателю, посылавшему проклятия вниз, в авроров. Он видел, что из-за преимущественного положения Пожирателей у авроров практически не было шансов нейтрализовать всех противников. Гарри уже побирался послать собственное проклятие через коридор, когда из одной из ближайших комнат вышла закутанная в мантию фигура. Глаза Антонина Долохова были широко раскрыты от возбуждения, из комнаты за длинные черные волосы он тащил тело маленькой девочки, не старше четырех лет. Он бесцеремонно бросил ее на пол и с широкой ухмылкой развернулся ко входу в следующую комнату.

Гарри оглянулся через плечо и встретил злой взгляд темных глаз Гермионы. Она вытерла рукавом следы рвоты со рта, над его плечом прицелилась палочкой в Долохова и кивнула на шепот Гарри:

— Оглуши его.

Она тут же кинула «*Silencio*», попавшее прямо в спину Пожирателю. Тот замер, потом развернулся с выражением глубочайшего шока на лице — как раз вовремя, чтобы заметить точно направленный «*Stupefy*» Гарри, ударивший его в живот, прежде чем молча упасть на пол.

Внимание Гарри вновь переключилось на двух Пожирателей на лестнице футах в пятидесяти от него. Он обратил внимание, что заклятия авроров рушат потолок над их головами. Он должен был рискнуть, действуя издалека. Взмахнув палочкой в сторону дальнего конца коридора, он вложил всю силу в заклинание:

— Reducto!

Проклятие прошло мимо Пожирателя, но ударило в стену справа от него, засыпав ему лицо древесными щепками и кусками штукатурки. Он опустил палочку и, неразборчиво ругаясь, схватился за лицо. Второй Пожиратель обернулся и запустил через коридор смертельное проклятие, которое, не причинив вреда, ударило в стену. Заметив раненого товарища и бессознательного Долохова, лежащего среди тел, он запаниковал и аппарировал прочь.

Гарри выскочил за дверь и помчался к задетому Пожирателю, который, все еще прикрывая лицо руками, в агонии катался по полу. Подбежав достаточно близко для точного попадания, он оглушил и связал его, крикнув аврорам, что лестница очищена. Он обернулся и увидел, что Гермiona стоит рядом с Долоховым, направив на него палочку.

Гарри стал осматривать комнату за комнатой, не находя ничего, кроме тел детей. В первых нескольких комнатах дети даже не успели встать с кроватей. Он прошел через разбитый дверной проем и тут же узнал комнату из своего сна... разбитая мебель, треснувшее зеркало, крошечная кровать. Шкаф был открыт, и он увидел закутанную в темную мантию фигуру, стоящую спиной к комнате.

— Котоне? — позвал Гарри.

Из шкафа послышался голос. Глубокий угрожающий рычащий голос звучал так, будто исходил от простуженного Гроупа:

— Шиши! Таскете!(1) — теперь Гарри понял, почему она никогда не говорит вслух.

Все еще держа на прицеле палочки Беллатрикс, он осторожно подошел к шкафу и осмотрел его в поисках девочки, отражение которой увидел во сне. Она все еще обнимала потрепанного игрушечного медведя. Все еще удерживая взгляд Беллатрикс испуганными фиолетовыми глазами, она сказала на ломаном английском:

— Пожалуйста, сделай стоп. Очнуться скоро.

— Petrificus Totalus, — сказал он и увидел, как руки Беллатрикс Лестрейндж прижались к бокам, ноги сомкнулись, и затвердевшее тело грохнулось на пол. — Incarcerous!

Как только она упала на пол, Котоне отпустила медведя, подпрыгнула и бросилась к Гарри. На мгновение он даже испугался, когда маленькая демоница кинулась к нему — с бледными протянутыми руками и мучительно искривленным клыкастым ртом. Она испустила тихий гортанный всхлип, больше напоминавший рычание, когда он подхватил ее на руки, позволяя выплакаться ему в плечо. Он удивился, когда ее волосы мягко обвили его шею, будто бы обнимая. Ее худое маленькое тельце содрогалось от рыданий, и он зашептал ей успокаивающие словечки.

Он подхватил ее под попу, чтобы поднять к груди, когда почувствовал какое-то странное движение под ее оборванной ночнушкой. Он распахнул глаза, увидев длинный тонкий белый хвост с чем-то вроде острого золотого шипа на конце, высовывающийся из небольшого отверстия с задней стороны ее платья. Он старался не показывать беспокойства, связанного с увиденным, но не мог не таращиться на бледный отросток. С каждой встречей девочка казалась все более странной. Не желая, чтобы она увидела разрушенный коридор, он мягко прикоснулся палочкой к ее голове, тихо сказал «Somnus» и почувствовал, как расслабилось во сне ее тело.

Он опустил взгляд на лицо Беллатрикс и усмехнулся. Он наклонился, вытащил палочку из ее руки, сломал о колено и кинул обломки в мусор. Плюнув ей в лицо, он сказал:

— Азкабан для тебя слишком хорош. Если бы это зависело от меня, ты бы умерла сегодня же, — поднял собственную палочку и оглушил ее.

Он вынес Котоне из комнаты и увидел, что авроры осматривали остальные комнаты, ища уцелевших или других Пожирателей. Потом он заметил, что Гермиона с жутко пустым выражением лица все еще стоит над Долоховым и что-то шепчет, взмахивая палочкой над его телом. Пытаясь понять, что она делает, он понес спящую Котоне к ней.

— Ossisindum... Ossisindum... Ossisindum... — шепотом повторяла она, взмахивая палочкой. С каждым движением можно было услышать, как одна из конечностей оглушенного Долохова слегка сдвигается.

— Гермиона, что ты делаешь? — спросил он обеспокоенно.

— А, понимаешь... — ответила она шепотом, не глядя на него, — испытываю новое заклинание, которое придумала. Ossisindum... Ossisindum...

Гарри забеспокоился.

— Эм, и что именно оно должно делать?

— Ossisindum... Ossisindum... О, ничего особенного. Ossisindum... Ossisindum...

— Гермиона?

— Ossisindum... Ossisindum... Просто это заклинание, Ossisindum... Отделяет кости друг от друга, убирая между ними хрящ. Ossisindum... Это не больно, само по себе... Ossisindum... Я хочу быть уверена... Ossisindum... Что он не сможет отсюда уйти... Ossisindum... без напоминания об тех жутких... Ossisindum... подлых... Ossisindum... страшных вещах, которые он сегодня делал. Ossisindum... Надеюсь, что в Азкабана достаточно Скелероста... Ossisindum... Я начала с его пальцев ног... Ossisindum... И добралась уже до ребер. Ossisindum...

Только когда Гарри схватил ее за руку, державшую палочку, она подняла пустые холодные глаза и встретила с ним взглядом. Она заметила неподвижную девочку у него на руках и сказала ровным мертвым голосом.

— О, ты нашел Котоне, — она присмотрелась к бледной неподвижной маленькой девочке. — Она тоже мертва?

В горле Гарри появился огромный ком, когда он притянул Гермиону за талию в неуклюжее объятие свободной рукой. Ее тело казалось таким же безвольным, как и у Котоне, когда он прижимал к себе двух девочек. Он услышал, как Гермиона вздохнула ему в плечо и сказала слабым, отстраненным голосом:

— Я устала. Я хочу домой.

Гарри услышал, как кто-то звал его по имени. Он обернулся и увидел Рона, только что поднявшегося по лестнице и остановившегося. На его лице появилось выражение крайнего ужаса, когда он увидел в коридоре последствия резни. Он услышал и другие голоса, доносившиеся с первого этажа.

Гарри мягко потянул Гермиону к Рону, желая увести ее из этого жуткого места как можно скорее. Когда он вел ее по коридору, она мягко ему сказала:

— Он наслаждался. Ему действительно нравилось... убивать маленьких детей.

Бен вышел из комнаты напротив них, неся маленького мальчика, залитого кровью, без руки, но хотя бы живого. Гарри показал, в какой комнате лежала оглушенная и связанная Беллатрикс Лестрейндж, и сказал, что уходит.

— Гарри, я хотел спросить... Откуда ты узнал?

Он кивнул на маленькую девочку у него на руках и сказал:

— Эта крошка сообщила мне. Она — мой друг. Я также забираю и ее.

Он вел Гермиону по ступенькам, когда услышал ее резкий вздох. Обернувшись, он понял, что она смотрит на неподвижное тело знакомого хогвартсовского студента, Банрабаса Уиндона.

Она больше не могла. Между Святого Мунго накануне и этим местом она увидела столько бессмысленных смертей, что память о них будет преследовать ее всю жизнь. Она упала на колени и начала тихонько плакать. Рон встряхнулся и поспешил к ним, чтобы помочь Гарри поднять ее с окровавленного пола и спустить по ступенькам.

Выбравшись наружу, Рон присел с Гермионой на скамью напротив шляпного магазина. Гарри пытался усадить и Котоне, но даже во сне ее волосы, казалось, ухватились за него еще крепче, не желая покидать его надежные руки. Рон обнимал Гермиону, мягко поглаживая ее спину в попытке успокоить, но это было непросто. Гарри сел, все еще держа Котоне на руках, наблюдая, как авроры и колдомедики аппаратируют к приюту и поспешно заходят в ветхий дом. Вскоре Гермиона устав от плача, уснула, прислонившись к плечу Рона.

— Почему? — спросил Гарри, рассеянно укачивая маленькую девочку и глядя прямо перед собой. — Почему они напали на детей? Разве они заслуживают смерти?

Рон посмотрел на Гарри, а потом на странного ребенка у него на руках.

— Это и есть Котоне Оутэ? Та самая из Святого Мунго?

Гарри кивнул.

— Я бы сказал, что они хотели отомстить ей, — тихо сказал Рон. — Это было в специальном выпуске «Ежедневного Пророка» о нападении на больницу прошлой ночью. Пожиратель смерти, которого она поймала — это Родольфус Лестрейндж. Они все еще не знают, как она это сделала, — и добавил, скривившись: — И они не упоминали, что она выглядит... так.

— «Пророк» действительно напечатал это? — недоверчиво спросил Гарри. — И еще сказали, что она сирота?

Рон просто кивнул.

Гарри сидел и злился от того, что волшебная газета оказалась настолько безответственной, когда Кингсли Шеклболт подошел к странной компании, сидевшей на лавке.

— Поттер, Боунс сказала, что ты знал о нападении. Откуда? Это... он... опять попал в твою голову?

— Нет, вот эта девочка сообщила, что находится в беде, — не поднимая взгляда, ответил Гарри, укачивая ее.

Шеклболт присмотрелся к необычной девочке и сказал — больше себе, чем ребятам:

— Снова она? Так, нам нужны ваши показания, — добавил он, глядя поочередно на Рона и Гарри, а потом посмотрел на Гермиону: — И вашей девушки.

— Она не моя девушка, — хором сказали Рон и Гарри. Гарри вопросительно посмотрел на Рона, а тот только пожал плечами и отвернулся.

Гарри повернулся к Шеклболту:

— Сколько выживших?

Выражение лица аврора стало непривычно подавленным.

— Из пятидесяти шести, бывших в здании, выжило пятеро, включая эту девочку. Две девочки спрятались на чердаке, а один мальчик — в шкафу. Неясно, выживет ли пятый. Он лишился руки и потерял много крови. С ним сейчас колдомедики, но...

— Я подойду сегодня позже в министерство, — сказал Гарри. — Сперва мне надо разобраться с друзьями здесь.

Рон спросил:

— А почему ваши ребята не могут подойти в Нор... — он вспомнил о Джинни и ее эликсире. Пожалуй, будет не так уж и хорошо, если они придут в их дом, по крайней мере, пока он не выяснит все о зелье.

— Рон, официально мне еще нельзя аппарировать, — сказал Гарри достаточно громко, чтобы его услышал отходящий Шеклболт, разговаривавший с другим аврором. — Гермиона не в состоянии аппарировать куда бы то ни было, а я не собираюсь везти кого-то из девочек на этом убийственном «Ночном Рыцаре». Мы просто посидим в «Котле» до утра, до него осталось всего несколько часов. Мне нужно подумать, что делать с Котоне. Думаю, она может остаться с нами на Гриммо, я не могу позволить министерству забрать ее, не могу оставить ее здесь.

— Ты собираешься туда вернуться? Я думал, Фиделиус больше не действует.

— Мы собирались повторить его сегодня, но не думаю, что она сможет использовать такой уровень магии. Понятно, мы не ожидали такого.

— Я сделаю это, — устало произнесла Гермиона. Ее голова все еще лежала на Роновом плече, а глаза были закрыты, — Мы подождем здесь, пока не откроются Гринготтс, «Флориш и Блоттс» и аптека, а потом пойдем туда.

— А зачем Гринготтс? — озадаченно спросил Гарри.

Гермиона почувствовала слишком знакомое желание огрызнуться на него, но промолчала и только устало вздохнула.

— Потому что материалы, которые потребуются нам для Фиделиуса, очень дорогие, а ты уже говорил мне, что с собой у тебя денег почти нет.

Гарри опустил глаза. Похоже, именно сейчас ему придется рассказать друзьям о своем финансовом положении.

— Гермиона, ты знаешь, почему вчера я пришел на Прайвет драйв?

Глаза ее все еще оставались закрыты, но брови задумчиво нахмурились, пока она пыталась восстановить в памяти вчерашний разговор.

— Нет, ты не говорил.

— Я хотел подготовить его к продаже.

Она недоуменно двинула бровями и переспросила:

— Тебя тетя послала подготовить дом к продаже? Ты общаешься с ними?

На лице Гарри появилось страдальческое выражение. Он вспомнил, как она побледнела вчера, услышав, как с ним обращались Дурсли. Ему не хотелось злить Гермиону, но они должны были знать.

— Это не их дом, — тихо сказал он, — он мой. Он отошел маме, когда умерли дедушка и бабушка, а она позволила Дурслям жить там, поскольку у родителей уже был свой дом в Годриковой лощине.

Гарри внимательно следил за выражением лица Гермионы. Она все еще не открывала глаз и не поднимала голову с плеча Рона. В задумчивости она снова нахмурила брови. Он заметил момент, когда она все осознала. Ее глаза широко распахнулись, а губы сжались в практически невидимую линию, напомнив самое строгое выражение лица МакГонагалл. Ноздри трепетали — дышала она большей частью через нос.

Когда она подскочила со скамейки, Рон громко чертыхнулся. Не говоря ни слова, Гермиона начала яростно расхаживать перед скамейкой.

— Почему вы злитесь? Это ведь хорошо, правда? — спросил Рон. — То есть, у Гарри есть еще один дом... большое дело, не похоже, что он ему нужен.

— Рон, ты... ты чертов придурок, — она нависла над ним. — Все эти годы они относились к нему как к пленнику! В собственном доме, представьте себе... Они запирали его в кладовке! Все эти годы он спал в кладовке! Они били его, морили его голодом, использовали как раба — в собственном доме... А потом, когда им пришлось переселить его, ему досталась крошечная гардеробная! С двадцатью замками и кошачьим ходом в двери! Вот почему он хочет избавиться от него! Честно говоря, будь я на его месте, я бы тоже это сделала!

— Я не потому продаю его, — мягко прервал ее Гарри, — я вынужден это сделать. У меня нет денег.

Гермиона прекратила метаться и быстро повернула голову, чтобы увидеть выражение его лица, пытаясь понять, была ли это шутка, хотя и была уверена, что в подобной ситуации он бы такого делать не стал. Рон же был уверен в этом, потому что захихикал и сказал:

— Честное слово... «Гарри Поттер» и «нет денег» даже на одном пергаменте не написать, не говоря уже об одном предложении. Ты унаследовал все состояния Блеков, ради Мерлина, ты — самый богатый тип, которого я знаю!

— Больше нет, — грустно сказал Гарри.

Гермиона присела перед ним, мягко опустила руки ему на колени и заглянула ему в лицо поверх спящей девочки на его руках.

— Ты ведь говоришь правду, так? Что случилось?

— Вернон, — просто сказал он, кинув на Гермиону многозначительный взгляд.

В ее глазах он увидел только сострадание, когда она спросила:

— Как?

— Он узнал, что прошлым летом я унаследовал дом и деньги. Когда Дамблдор пришел забрать меня, он упомянул об этом перед Дурслями. Я знаю, что он понял это, потому что его замечание об этом — чуть ли не единственное, что он произнес за время короткого визита Дамблдора.

Рон просто смотрел на Гарри, не веря, что его лучший друг разорен. Гермиона только понимающе кивнула, прося его продолжать.

— Когда мы вернулись из школы, я остался в «Дырявом Котле», — при упоминании того дня в глазах Гермионы промелькнула тень сожаления. — На следующий день я пошел в Гринготтс, и, когда я зашел в хранилище, там была только коробка пергаментов и несколько монет. Когда я поговорил с менеджером, он сказал, что отослал выписку с моего счета моему «законному опекуну», которым оказался Вернон Дурсль. С той же соевой он отослал просьбу перевести все деньги в маггловские фунты и отправить в четвертый дом по Тисовой улице... от моего имени, разумеется.

— Так вот почему они уехали. Ох, Гарри, мне так жаль тебя. Почему ты не сказал нам раньше?
— он почувствовал, как, говоря, она сжала его колени.

— Черт побери, Гарри... ты ведь шутишь, да? — спросил Рон с приоткрытым от недоверия ртом.

Гарри печально покачал головой:

— Нет, не шучу. Именно поэтому мне и приходится продавать дом. Как мы будем искать эти... вы знаете... без денег? Поэтому мы и не сможем сегодня купить все для Фиделиуса.

— Ерунда! — воскликнула Гермиона. — Я попрошу папу дать мне доступ к моему трастовому фонду. Он открыл его, когда я была маленькой, чтобы я могла поступить в колледж — понятно, это было до того, как мы узнали, что я ведьма, а Хогвартс совсем не столь дорог, как те маггловские университеты, и, поскольку я не собираюсь туда возвращаться в этом году, денег у меня достаточно. Я сама все куплю! — сказала она под конец.

— Гермиона, — сказал Гарри, раздраженно вздохнув.

— Что — Гермиона? — спросила она с яростью в голосе. — Да я последние трусы продам, если это поможет положить конец ублюдку, из-за которого случилось это! — она указала на череду колдомедиков, левитирующих вереницу маленьких прикрытых трупов из приюта на улицу и в большую летучую повозку, которую тянула упряжка фестралов. — Клянусь, Гарри, ты не остановишь меня!

— Нет, я имел в виду... хорошо, я передумал насчет наших планов пропустить этот год, из-за чего я, в частности, и хотел продать этот дом. Если школу снова откроют и мы туда вернемся, время от времени нам придется отлучаться из замка, для чего нам или потребуется разрешение, или придется порой нарушать некоторые школьные правила. Если я смогу поговорить с портретом Дамблдора, возможно, он сможет убедить МакГонагалл позволить нам исчезать безо всяких объяснений.

Пока он говорил, ярость исчезла из ее глаз, а вместо нее неярко замерцали волнение и мысли о возвращении. Она уже знала, что, стоит первым номером в списке претендентов на должность главного префекта среди девочек, и он понимал, что это было одной из вещей, которые ей очень не хотелось бы бросать, не возвращаясь.

— Хорошо, — сказала она с легкой улыбкой. — Если мы действительно возвращаемся, то на моем счету достаточно, чтобы оплатить все покупки и год обучения для нас обоих.

Они оба повернулись и заметили, что теперь Рон недоверчиво смотрит не на Гарри, а на Гермиону.

— Гермиона! — задыхнувшись, спросил он, издав что-то вроде хныканья. — У твоей семьи тоже есть деньги?

— Да, оба мои родители — дантисты, а это достаточно прибыльная маггловская профессия, к

тому же папа — выходец из состоятельной семьи.

— Почему ты никогда мне не говорила?

Она непонимающе посмотрела на него.

— Я не думала, что это важно. Или ты думаешь, что мне надо щеголять этим, как Малфой?

Рон откинулся на скамье и угрюмо сложил руки на груди.

Гермиона слегка пожала плечами и сказала:

— Пойдемте в «Котел» завтракать, Том уже должен бы проснуться. Я угощаю.

При упоминании еды угрюмость Рона немного ослабла и он поднялся со скамьи одновременно с Гарри, все еще держащим на руках спящую демона-ведьму, и они вчетвером пошли к «Дырявому Котлу».

1) Таскете — помощи.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818731>